

Автор: Есельсон С. (Россия)

Чего не сделаешь ради Прекрасной Дамы? Особенно когда юн и свеж, когда сердце бурлит высокими помыслами и Дама взывает к их исполнению.

Дама звала Героя к справедливости, звала защитить слабого и отмстить, и он взял зов в свои уши и устремился.

Дело было давнее, из глубины советских времен и совсем уж обычное. У Дамы была подруга, сирота, умница, закончившая МГУ, умудрявшаяся жить на стипендию в три копейки и какие-то мелкие подработки направо-налево. Она поступила в аспирантуру и поселилась в общежитии — высотке на Ленинских горах. В этом-то аспирантском общежитии с ней и случилась неприятность — какой-то тип, умудренный в делах обольщения, секретарь парткома чего-то там из среднерусского города российской глубинки, решивший, видно, стать в своей тьмутаракани секретарем горкома и по этому важному делу тоже выбившийся в аспиранты МГУ и проживающий иногда в той же самой аспирантской высотке, как и положено ему было по положению, обольстил несчастную подругу Прекрасной Дамы, сделал ее беременной, и вот она уже ждет ребенка, а он ждет дня защиты, чтобы после преспокойно удалиться в свою провинцию и там занять достойное место в пантеоне местных богов, забыв раз и навсегда о боевой фронтовой подруге, компрометирующей самим своим существованием и — особенно! — ожидающимся ребенком его безусловно высокую репутацию партийного босса.

Этого всего нельзя было просто так оставить. Дама не знала, что делать, но взывала — сделай что-нибудь, спаси Надю! Ах да, ее подругу звали Надеждой. Дама, залетая в столицу, объясняла подруге: «Ты — дура! На что ты только надеешься?!» Подруга тихо соглашалась: «Я дура — я просто надеюсь». — «Ты-то хоть спрашивала, есть ли у тебя шансы? — «Какие еще шансы? Ему и так несладко». Словом, Надежда была конченная облапошенная дура, и ее надо было спасать.

Ее соблазнитель шел на защиту степени кандидата философских наук и, конечно же, по теме, связанной с коммунистической нравственностью и чувством справедливости. А кто-то еще спрашивает, почему Советский Союз распался — потому и распался.

Известна стала дата защиты. После защиты и запланированной попойки он должен был убыть навсегда в свой уездный город N, оставив Надежду наедине с будущим ребенком, полным безденежьем, неясными перспективами защиты диссертации — какая уж тут защита, когда с ребенком закутишься — и призраком выселения из общежития.

Дама взглянула ясным взором в сияющие глаза нашего Героя, и он решился.

У Героя был друг, которому он когда-то оказал некую услугу, и тот сказал: «За мной долг. Что бы и когда бы ты ни попросил, я исполню». Друг был человек восточный, невесть где, но все же учившийся и научившийся боевому самбо и самурайскому духу. А для самурая долг — священная корова.

И Герой призвал своего друга-Самурая.

Они вдвоем оказались около высотки общежития МГУ вечером перед защитой. Прошли сквозь охрану, как нож сквозь масло, как будто они были в плащах-невидимках. («Все правильно», — сказал Самурай.)

Они поднялись на лифте и подкрались к нужной двери. Тихо-тихо, как рысь подбирается все ближе и ближе к жертве, изготавливаясь к смертельному прыжку. У Героя было заготовлено заявление, в котором отец признавал ребенка Надежды своим. Текст был хорошо продуман и не раз обсужден с доверенными юристами (конечно, без указания мест, дат и фамилий — так, в общем, в принципе, не конкретизируя).

Они позвонили в дверь. Тишина. Позвонили снова — раз, другой, третий — никого нет. Переглянулись и пошли вниз. Посидели в кафе общежития до закрытия. И опять поднялись. Три звонка. А в ответ — тишина.

И опять вниз — на почту. Там был переговорный со скамейками, где можно было сидеть, не обращая на себя внимание. Сидели тихо, как разведчики перед взятием языка, только тяжело дышали в предвкушении боя.

— Пошли, — скомандовал Герой. Лифт. Наверх. Звонок... Тишина. Герой изумился:

— Такого не может быть!

Самурай вздохнул:

— Судьба...

Вновь и вновь поднимались они. Вновь и вновь им в ответ была тишина.

Самурай сказал:

— Решай. Решение в твоих руках.

— В моих ли? — отвечал Герой, сам не понимая, что он такое говорит.

И они ушли. Обреченно.

Дама наградила Героя презрительным взглядом. А вскоре они и вовсе расстались — не ссорясь.

* * *

Прошло 18 лет. Бог знает сколько лет.

...Жаркое лето 1999 года. Когда наш Герой подошел к вагону, его кто-то окликнул.

Улыбающийся широкой улыбкой Брежнева местный начальник представил толстого профессора: «Поедете вместе. Скушать не придется».

Толстый профессор заглянул в купе нашего Героя часа через два. «Есть пирожки — жена пекла. Харчевать будем вместе?» — «Будем». — «Пошли ко мне: еду один, никого нет — роскошь!»

Пир за знакомство затягивался. В дело шли все новые и новые припасы обеих харчующих сторон.

Профессор быстро оставил наше обычное занятие — ругать начальство — и начал рассказывать свою жизнь.

— Я, батенька, счастливый человек. Все вокруг чего-то хотят, стремятся куда-то, гоняются за юными юбками, за манями да за званиями, а я все это пускаю по барабану. Да-с, по барабану!

Можно было заподозрить в нем самодовольную банальность, но в бархатной речи не было торжествующих интонаций — скорее, это были интонации казахского сказителя, цветисто удивляющегося самому себе в третьем лице как персонажу собственного сказа.

— Да-с, звание у меня есть — и уже никто не отнимет!.. Должность — я их столько терял, ха-ха, всегда что-то находилось взамен — как в «Философских повестях» у Вольтера, в «Загдиде» — читали?.. Ну, да, и я, Ваш покорный слуга, читал тоже».

Это был человек, Герою не интересный.

— И как Вы дошли до жизни такой довольной? — с легкой долей сарказма спросил Герой.

— Именно дошел, — и сказитель смолк. «Поезд отправляется!» — крикнули со станции, и Профессор протянул: «Ла-а-адно», — прерывая какой-то свой внутренний диалог.

— Был я когда-то секретарем парткома завода в N. — Он назвал город). Что-то отдаленно знакомое послышалось Герою в этом названии... Профессор между тем продолжал: — Я ведь рано, совсем молодым еще, стал на должность. Так сложилось... Другие поступали в ВПШ, а потом шли вверх по лестнице, а я вот захотел в аспирантуру МГУ. Поступил, представьте себе. Конечно, на научный коммунизм, сейчас это политологией зовут. Общежитие на Ленинских горах, и все такое... Ну-с, дело молодое. Появилась подруга. На войне отцы наши называли таких фронтовыми боевыми подругами. Вот и у меня... — Он внезапно сделался тихо-торжественно-задумчивым и уставился в точку за окном.

— Знала ли она, что я женат?.. А как же мог секретарь парткома конца

семидесятых быть неженатым? Кто ж меня холостого секретарем бы сделал? Знала, конечно.

Я жил на две семьи — там мне было хорошо, и здесь мне было хорошо. Там меня, правда, попиливали: то им надо, се им надо — и все одновременно.

И тут Надя забеременела. А у меня последний год аспирантуры, дело к защите.

Она мне так сказала: «Господь мне дал ребенка от любви, хоть и во грехе (вот ведь как заговорила — это ведь в советские времена, да еще философ! Видно, деревенские ее корни проросли), — ты, милый, ни о чем не беспокойся, я нигде не буду говорить, что ребенок от тебя». Как будто все общежитие не знало, кто с кем спит.

Я, конечно, боялся, что напишут, понервничал тогда, но ее покой и меня успокоил.

Она, как пошел третий месяц, сказала: «Теперь ты у меня не показывайся, чтобы в общежитии думали, что у нас с тобой все. А как животик видно будет, скажу, что от друга детства по дурости залетела, когда на родину ездила». И, знаете, сказала так твердо, не жеманничая, как отрезала.

Подшло время защиты. Вечер. И вдруг стук в дверь. Открываю — батюшки-свет! — Надя стоит, собственной персоной. «Ты чего? Случилось что?» — «Ничего. Зашла посмотреть». Прошлась по комнате. Не пойму, чего хочет. А она говорит: «Вот, посмотрела. Голова не годится. С такой головой не защищаются. Пошли ко мне, я ее тебе помою». И она мне помыла голову. Потом я ее сушил у плиты — тогда фены еще были редкость, — а потом мы пили чай и репетировали защиту.

На следующий день я хорошо защитился, обмыл это дело и уехал.

Жизнь пошла-покатилась своим чередом. Но мытье головы, мытье головы!.. Мне никто голову не мыл с детства, как бабушка умерла. Только бабушка. А потом уже всё — сочли взрослым.

Знаете, в 90-е годы арабы открыли у нас обувной магазинчик, и там продавщица примеряла мне туфли и даже зашнуровывала их, присев на корточки у моих ног. Ощущение — непередаваемое!

В общем, выкроил я как-то командировку — и по знакомой дорожке, в общежитие МГУ. Приняли как родного, особенно учитывая подарки. Но Нади там не было. «Родила и уехала в деревню», — говорят. Я аккуратно навел справки. И опять выкроил время из командировки — и к ней в деревню.

Доехал... Дело к вечеру. Полялякал с младенцем. Постелила мне в другой комнате, как чужому. Ночью слышу: что-то бормочет. Подкрался к двери — батюшки-свет! — молится. «Пронеси, Господи, мимо меня эту чашу, если хочешь». Меня больше всего поразило это ее «если хочешь». Вот меня, секретаря парткома брежневских времен,

«если хочешь» при обращении к Богу почему-то сильно задело. Представляете, струхнул.

Наутро уехал в убеждении, что у Наденьки крыша малость поехала. — Он вдруг расхохотался. — Знаете, раньше я не понимал, а сейчас, кажется, понял «Крейцерову сонату» Льва Толстого: со случайными попутчиками, и только, наверное, с ними, можно быть сколь угодно откровенным.

Так вот, представьте себе: возвращаюсь я от Нади в Москву, и тут по пути — хлобысть — авария. Ехали-то мы не слишком быстро, но от судьбы как уйдешь, — вылетела из какой-то деревни на трассу «копейка» с ошалевшими от субботней попойки мужичками и врезалась аккурат в наш бок.

Я — в реанимации, в районке в Калининской области, — неприятные последствия — на работе и в семье вопрос: что я там делал?..

Потом в Склифосовского перевели собирать из кусочков.

Откуда Надя узнала, не ведаю, но она быстро появилась, и ведь как сообразила — устроилась санитаркой! Так что за мной смотрела — и вроде как не специально.

В себя приходить начал — появилась жена с допросами; она допрашивает и милиция допрашивает. И из парткома здоровьем моим интересоваться начали, позванивать.

Жена допросила и уехала обиженная.

А службы все требуют, чтобы рассказал, что я в тех краях делал, да у кого был, да кто знал и подтвердить, значит, может — оно им надо, спрашивается? Какое это все имеет отношение к аварии? А они важно — нам, мол, виднее, здесь, мол, мы вопросы задаем. Особенно интересно все было мужичонке из партконтроля.

Выписался я когда, взял да и поехал демонстративно к Наде. У нее в доме — ни единой моей фотографии. Я и спрашиваю — чего, мол, так? — А она: «Так ведь если найдут, тебе неприятности».

Приехал домой — накатал заявление об увольнении, получил строгача за аморальное поведение. Дома все в тягость, и я в тягость. Изменник, и уже не начальник, и без карьеры. Но квартира хорошая, в самом центре, и книг много хороших, — тогда, помните, мода была такая — книги собирали.

Я у жены спросил: «Как тебе перспектива быть женой ассистента кафедры общественных наук?» А она, без тени юмора: «Будь ты проклят, ты мне жизнь загубил!» Тогда я и решился на развод пойти. Ей — квартира, и книги, и мебель — гарнитуры всякие, и барахло. Дочь в ту же дудку: «Знать тебя не желаю; меня в школе все спрашивают, почему ты больше не секретаря, — что я им отвечать должна?..»

Главное, понимаете, никто никогда мне так голову и не мыл — только песочили.

Вот я собрал чемодан и, как есть, уехал. Все оставил. И заявление на развод.

Когда Надя защитилась, уехали — туда, где преподаватели в вузы были нужны. Куда ехать — все равно было. Попали в Прибалтику. Маленько пожили, нажились. А тут «перестройка», война народов нагрянула, в 92-м нас шуганули. Что тут скажешь, терять не впервой было...

...В купе зашли пассажиры, и Герой заторопился, засобирався спать — так ошеломлен был, поняв, с кем это он тут разговаривает.

Профессор вышел проводить Героя.

— А как дальше у Вас было с мытьем головы?

— О, Наденька, великая утешительница, моет, бывало, голову и приговаривает: все обойдется; все, что делается — к лучшему; нас не бросят. Он не бросает.

* * *

...Прошло еще семь быстрых лет. И во время ночного ажиотажа в последний день пребывания в нашей стране части нетленных мощей святого Иоанна Предтечи, в длинной очереди в Храм, куда необходимо было зайти до утра, встретились Герой и Дама. Через 25 лет. О чем можно говорить в таких ошеломительных встречах? Конечно, они заговорили о Надежде, об удивительной встрече Героя в поезде. Дама послушала и сказала: «Фигляр! Говорить красиво научился!.. Дурит он Надю, по бабам ходит беспрестанно. Видел бы ты его аспиранток!» — «А Надя?!» — «А Надя — дура, ничего не видит, пирожки себе знай печет и его, старого козла, кормит. Я ей — гуляет он от тебя напропалую. А она только глазенками лупает — верить, мол, надо. Дура, факт. Сюда, правда, меня уговорила пойти, вот в результате тебя встретила, надо же...»

...И они помирились.